

После всего, чем меня «обмазал» Рю Сон, я, тем не менее, шёл на церемонию распределения по общежитиям сияя так, будто мне вручали орден.

Аудитория Академии Ария была открыта для посторонних, но дальше на территорию их не пускали — и это приятно: без семейной свиты и приставленных телохранителей дышится легче. Люди, правда, вздрагивали от одной моей улыбки. Ну и что?

Я же не обязан ходить с каменной физиономией только чтобы они меньше меня боялись.

— Смотри, он улыбаётся... Что он там задумал?

— Тсс! Потихе. Говорят, за слова о «нём» языки вырывают...

Я остановился. Зал смолк вместе со мной. Те, кто шёл впереди, оглянулись, побледнели и синхронно притормозили, затем остановились и задние ряды.

Эй, необязательно же всем вставать...

Ветер не к месту трепанул полы дурусаги — той самой накидки Рю Сона, что висела у меня на плече, — и я решил закрыть вопрос разом. Улыбнулся и позвал:

— Логан, скажи, сколько раз я отрезал кому-то язык?

Троица шептунов тут же съехала на пол, как подкошенные. Я подошёл, протянул руку, поднял ближайшего.

— Насколько мне известно, ни разу, — ровно ответил Логан.

— Слышали?

Ребята мелко тряслись и кивали. Я присел на колени, чтобы смотреть им в глаза.

— Недоразумение снято?

— Да-да, простите! Больше никогда... хлюп... не будем!

Один даже расплакался. Я вздохнул, достал платок, сунул им — пусть вытрутся. Они заваскулили ещё громче; я бросил платок им на колени как отработанный, поднялся и, снимая перчатки, кинул их Дитриху Винкелю.

— Утилизируешь, мой добрый господин? — едко шепнул тот, едва сдерживая смех.

— Хочешь — жарь, хочешь — вари.

— Тогда сохраню при сердце.

— Передумал, бесстыжий пёс. Выкинь.

— Есть.

На том и разошлись. Коридор передо мной сам собой расступался — головы ниже, шаг тише. Это не тяготило.

Власть — это удобно.

Не толкают, не задерживают, не шумят. Прекрасно.

У главного корпуса общежитий я открыл дверь — и меня оглушили крики.

— Кьяяяя!

— Спасите!

— Выпустите! Мамааа!

Служащие с каменными лицами вежливо указывали вниз, в подвал... по горке-трубе. Внизу было темно, ничего не видно.

— Прошу проходить, церемония распределения ждёт.

Они в своём уме? Какой кадет полезет туда после таких воплей?

Я полезу.

Капоне хотел идти первым, но я тронул его за плечо — «нельзя» — и шагнул сам. Присел, чтобы спуститься аккуратно (да, я ещё и о том, как это выглядит со спины, подумал — издержки имиджа), и исчез в темноте.

Я открыл глаза — и увидел Рю Сона.

Меч был направлен мне в горло.

— С этой минуты я уничтожу твою гнусную затею разрушить мир, — сказал он.

Коротко о механике местного ада. Секретная церемония распределения Арии — древняя магия, которая строится на личной травме каждого. Действует печать неразглашения: никто не узнает, что тебе показали. Но именно то, как ты справишься с травмой, решает, в какое общежитие тебя определят.

Иными словами:

моей «травмой» оказался Рю Сон, который приходит меня убивать.

Ну да, неудивительно. Никому не хочется умирать — даже если ты «финальный босс», а он — «протагонист».

Чтобы пройти церемонию, мне нужно не убежать, а пройти сквозь страх — и выбраться к выходу. Как именно — дело техники. В оригинале история крутилась вокруг героя, о «чужих» травмах там мало. Но у меня, к счастью, подход простой: я предпочитаю убивать свои травмы.

Я уже занёс «внутренний молоток», чтобы расколотить фантома, как вдруг...

— Э... что? — выдохнул я.

Передо мной возник ещё один силуэт. Не моя «маска», не образ Кассиса.

Другой.

— Прадедушка? — вырвалось.

Это была моя травма — травма Чон Иана.

<http://bllate.org/book/15779/1411922>